



УДК 821.161.1-1

А. В. ЦИПКОВ,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК (МОСКВА, РОССИЯ)

СМЕРТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ*

В статье поднимается проблема судеб российской интеллигенции через объективные тенденции изменения ее места и роли в обществе. Рассматривается сущность интеллигенции с обозначением ее основных составляющих – мессианизм, миф об оппозиционности, миф о просветительстве, миф о свободе – от возникновения интеллигенции в условиях бюрократического государства, затем советской интеллигенции, всегда нужной власти, до исторического поражения в начале 1990-х гг., когда она перестала быть единым вольнолюбивым сословием, а необходимость в ее существовании отпала. Новая политическая реальность, исповедующая диктатуру рынка, активировала заложенный в интеллигенции ген смерти как в явлении сугубо местном, российском, не имеющем европейских аналогов, и интеллигенция умерла в нашей стране вслед за крестьянством и пролетариатом. В современном обществе нужен новый слой интеллектуалов, уважающих национальные ценности, традицию, принципы социальной справедливости и нравственные нормы, включая православную этику.

Ключевые слова: интеллигенция, смерть интеллигенции, судьбы российской интеллигенции, советская интеллигенция, сущность интеллигенции, основные составляющие интеллигенции: мессианизм, миф об оппозиционности, миф о просветительстве, миф о свободе, природа интеллигенции, история возникновения интеллигенции, расслоение интеллигенции, новая политическая реальность.

The article raises the problem of the fate of Russian intelligentsia seen via the objective trends in change of the latter's place and role in society. Considered is the essence of the intelligentsia with identification of its main components – messianism, the myth of oppositional nature, the myth of enlightenment, the myth of freedom – from emergence of intelligentsia in a bureaucratic state, then Soviet intelligentsia always wanted by authorities to historic defeat in early 1990s, when it ceased to be a freedom-loving single class, and a need for its existence disappeared. A new political reality, professing the market dictatorship, activated a gene of death incorporated in intelligentsia which is seen as a purely local phenomenon, having no European analogue, and intelligentsia in Russia died following peasantry and proletariat. In a modern society a new stratum intellectuals who respect national values, traditions, principles of social justice and moral norms, including the Orthodox ethics is needed.

Key words: intelligentsia, death of intelligentsia, fate of Russian intelligentsia, Soviet intelligentsia, essence of intelligentsia, main components of intelligentsia: messianism, myth of opposition, myth of enlightenment, myth of freedom, nature of intelligentsia, history of intelligentsia emergence, stratification of intelligentsia, new political reality.

I

В последние годы о судьбах российской интеллигенции говорят все реже и реже. Интеллигенция умерла как сословие: социальное расслоение не обошло ее стороной. Место интеллигенции занимают яппи и креативные менеджеры, лишённые коллективных моральных рефлексий. Почему же мыслящее сообщество безмолвствует? Мне кажется, что уже можно уверенно ответить на этот вопрос. Судя по всему, неподходящий момент для этого разговора не только сейчас. Это навсегда. Ответственный ландшафт изменился настолько, что интеллигенция как социальное единство распалась и перестала играть какую-либо роль в общественных процессах.

О смерти интеллигенции дискутировали давно и много, но все это были, что называется, субъективно-оценочные мнения отдельных людей. В плохих прогнозах недостатка не ощущалось. Но сегодня мы имеем иную ситуацию. Перед нами достоверный критерий, позволяющий констатировать смерть с медицинской точностью, –

* Публикуется по: Перелом: сборник статей о справедливости и традиции. М., 2013. Портал «Религия и мы» (www.religare.ru).

отсутствие общественного интереса. Тема остыла, достигла нулевого градуса. Сам предмет спора – архаичное явление. Он не включен в повестку дня.

Постсоветская либерализация большевизма запустила процесс расслоения интеллигенции. Еще при Б. Ельцине этот советский монолит начал трагически распадаться на взвесь и осадок. Отдельные представители бывшего мыслящего сословия стали статусными и гламурными, остальные слились с массой бюджетников, презираемых «реальными» представителями новорусской эпохи. Те, кого власть взяла на службу, предали в беде тех, кто остался за бортом рыночных преобразований.

О советской интеллигенции стоит поговорить особо. Провозглашая себя оппозицией советской власти устами наиболее привилегированных своих представителей, она и не подозревала, что рубит сук, на котором сидит. Да, советская власть давила идеологией и репрессиями, но интеллигенция, иногда ручная, иногда фрондирующая, была ей нужна. Режиссеры, писатели, актеры считались украшением государственного здания, чем-то вроде химер на соборах. С ними носились, их обхаживали. А вот в условиях диктатуры рынка нет никакой необходимости в существовании этой чудаконатой прослойки, которая вечно спасает мировую культуру и хочет просвещать массы. Зачем она нужна? «Миркульт», «духовка», «культурка» – все это лежит сегодня запечатанное в аляповатые пластиковые коробочки.

Дело в том, что этот самый «миркульт» – трудноусваиваемая для мозгов постсоветского обывателя пища. А просвещать его, как при старом советском режиме, сегодня некому. Наоборот, образовательный стандарт сокращают, общество оглушают реформой образования, подгоняют остатки знаний под тесты ЕГЭ. При этом бывшие интеллигенты зачастую искренне аплодируют. Но, несмотря на все прежние и нынешние овации новому режиму, интеллигенции пришлось сойти с исторической сцены.

Новое общество, которое строится сегодня, – это общество сырьевых магнатов, клерков и мойщиков окон. Разумеется, интеллигенции в нем нет места. Культур- и политехнологии пока еще нужны – им поручено обслуживать власть, но речь при этом идет отнюдь не о классе и не о сословии, а о весьма небольшой группе людей, которые знают друг друга по именам и составляют маленькую секту.

Взглянем на прошлое интеллигентского сословия. Неслучайно оно не дает покоя нынешним соцтехнологам, ищущим с фонарем и собаками «новых интеллигентов». Ведь многие из этих энтузиастов сами «родом» из бывшей советской интеллигенции. Бывшая интеллигенция решила заняться собой? Похоже, что так. Или, говоря философским языком, перешла в режим самоописания. А значит, к традиционным вопросам интеллигента – «Что делать?», «Кто виноват?», «С кем вы, мастера культуры?» и «Куда мы катимся?» – пришло время добавить еще один, главный: «Что же такое интеллигенция?»

Мессианизм. Интеллигенция появилась в условиях бюрократического государства и сразу стала прослойкой так называемых «лишних людей». Она не была готова служить самодержавной власти, но и идти на сближение с народом не хотела. Точнее, народники попытались повернуть в сторону народа, но 1905 год многих отрезвил.

В вечном выпадении интеллигенции из общества и состоит ее сущность. Это «нигилизм без веры», как было замечено авторами сборника «Вехи». Интеллигенция в основном варилась в соку собственных идей, а точнее – превратно понятых достижений европейских интеллектуалов. И торговалась с властью: «Власть, дай порулить, за это мы будем верно служить». Интеллигенция пыталась учить и власть, и народ цивилизованному «жизью», указывала, каким должно быть, по ее мнению, «современное общество» – тон разговора, абсолютно немыслимый для европейца. Интеллигенты не хотели быть управляемыми, но желали управлять сами. Неслучайно у интеллигенции наряду с общепринятыми были свои любимые культурные ценности. Как заметил кто-то из историков, у советской интеллигенции была своя религия – братья Стругацкие, своя идеология – А. Сахаров, любимые книжки – И. Бабель, И. Ильф и Е. Петров, А. Рыбаков, любимый театр – «Таганка».

Невостребованный мессианизм интеллигенции еще больше отдалял ее и от власти, и от народа. Так продолжалось до 1917 г., когда интеллигенция наконец-то порулила – на короткое время сама став властью, пока ее не подвинул рабоче-крестьянский кадровый призыв. Но это интеллигенцию ничему не научило. Снова начались муки фальшивой оппозиционности. Вековая смесь преданности власти и мнимого фрондерства – явление предельно выморочное. Неудивительно, что их коллективная идентичность держалась не на социальной роли, а на системе мифов, самую интеллигенцией выдуманных.

Миф об оппозиционности. Торг с властью есть главная профессия интеллигенции. Она никогда не была оппозицией по-настоящему, но хотела быть при власти и иметь преимущественное право наставлять общество. Например, за право быть

критиками власти при власти боролись в советское время «шестидесятники» и получили свое. Власти в то время понадобились «оппозиционеры». В такие периоды все происходило в рамках консенсуса: интеллигенция всегда колебалась вместе с генеральной линией. Каждый такой медовый месяц с властью интеллигенция называла «оттепелью», а его прекращение – «заморозками».

Дело в том, что без опоры на власть функция самопровозглашенного общественного наставника невозможна: никто не станет слушать. Именно поэтому интеллигенция втайне очень любит власть. Сия любовь является важным условием ее выживания. Это и есть главная тайна интеллигентского сословия.

Впрочем, иногда представители сословия «проговаривались», как это сделал однажды Михаил Гершензон, заявивший после выхода сборника «Вехи»: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех козней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

За эту фразу его заклевали. Гершензон вынужден был уйти из либерального «Вестника Европы». Но заклевали именно потому, что Гершензон случайно брякнул правду. Отношения в треугольнике «власть – интеллигенция – народ» полностью исчерпываются его формулой.

Миф о просветительстве. Интеллигенция чаще всего представляет себя сословием просветителей в дикой, отсталой азиатской стране. Говорили о просвещении народа, но фактически претендовали на роль нового дворянства. Особый статус – право «пасти народы», – по мнению вождей интеллигенции, должен был быть им обеспечен властью исключительно за их культурно-образовательный ценз. Чистейшее мессианство. Попутно заметим, что конечной целью введения ЕГЭ, платного среднего образования и сокращения вузов как раз и является выведение народа за рамки этого ценза.

Миф о свободе. Свобода не для всех, а только для себя – это уже не свобода, а привилегия. Именно так понимала свободу интеллигенция. «Права и свободы», а вернее привилегии, которых они требовали от власти, были, по сути, аналогом законов о вольности дворянства.

Допустим, у меньшей части интеллигенции после 1991 г. появилось право печататься и говорить с телеэкрана. А в чем же тогда свобода остальных – свобода большинства, которое не издают и не пускают на телевидение? Это интеллигенцию отнюдь не волновало. Вот историческая аналогия, проясняющая дело.

Сюжет первый. После выхода указа о вольности дворянства крестьяне решили, что теперь должен быть указ о вольности крестьянства. Ходили слухи о том, что в южных губерниях уже дают вольную и дарят землю. Но время шло, указа все не было. Крестьяне стали бунтовать, примкнули к казацкому восстанию Пугачева. И заплатили за это жизнью.

Сюжет второй. После негласного указа о вольности интеллигенции в перестройку народ решил, что будет и указ о вольности народа. Поверил в перестройку, поддержал новую власть – Б. Ельцина и его команду, признал переворот 1991 г. Но на место ЦК пришла либеральная номенклатура, которая присвоила собственность КПСС и уничтожила индустрию. Протесты были подавлены войсками в 1993 г., а сами волнения объявлены сговором коммунистов и нацистов. Интеллигенция в 1993 г. шумно поддержала власть, написав знаменитое позорное «Письмо 42-х» с пламенным призывом: «Господин президент, раздавите гадину!» (Б. Ахмадулина, Д. Гранин, А. Дементьев, В. Астафьев, Д. Лихачев, Б. Окуджава, Р. Рождественский и др.). Делиться свободой интеллигенция не захотела.

Вообще, интеллигенция по своей природе предельно авторитарна. Называя себя «культурной прослойкой», «приличными» людьми, она любит вводить критерии пригодности: какие люди «рукопожатны», а какие – нет. Неслучайно большевики – интеллигенты в квадрате. Весь авторитаризм большевиков вышел из интеллигентской традиции – из идеи о цивилизаторской деятельности в отсталой стране.

В начале «нулевых» в Москве был открыт памятник интеллигенции. Выглядит он так: Пегас парит над абстрактной композицией из стальных шипов. Обычно памятники ставят либо посмертно, либо за особый статус при жизни. Этот памятник «самой себе» – то, строительством чего российская интеллигенция занималась на протяжении всей своей истории. Сегодня в этом памятнике явлены оба качества российской интеллигенции. Во-первых, она потерпела историческое поражение и умерла. Во-вторых, комплекс избранности, мессианизм интеллигенции и есть ее памятник самой себе.

Смерть интеллигенции закономерна. Она не выдержала экзамен ни на интеллектуальную пригодность, ни на нравственную зрелость, ни даже на верность самой себе.

В начале 1990-х гг. интеллигенция перестала быть единым вольнолюбивым сословием, которое в СССР слонялось «между НИИ и царством Свободы». В «рыночных» условиях произошло окончательное расслоение и размежевание интеллигенции. Большая ее часть – нестатусные интеллигенты – была названа новой властью бюд-

жетниками, приравнена к люмпенам и превращена в отбросы общества. В подавляющем большинстве бывшая прослойка советских образованцев направилась по трем направлениям: в эмиграцию, в челноки и в запой. Порвалась цепь времен. Меньшая часть – статусная интеллигенция – пошла на службу к власти и начала прославлять новый порядок. Ни те ни другие даже не задумались о свободе, о которой они так много рассуждали во время оно.

Так откуда же взяться новой интеллигенции сейчас? Кто и для чего ее придумывает и создает?

II

В последние годы о судьбах российской интеллигенции говорят все реже и реже. Общественный ландшафт изменился настолько, что интеллигенция как социальное единство распалась и перестала играть какую-либо роль в общественных процессах. Ее место занимают яппи и креативные менеджеры, лишённые коллективных моральных рефлексий. Судя по всему, это навсегда.

Вообще-то явление нового человека – знакомая тема для тех, кто родился и жил в СССР. Но советские идеологи склонны были объяснять этот процесс строго научно. А современные знатоки коллективных душ рождение нового сословия объяснили по всем правилам космогонического мифа: мол, все происходит из ничего. Кем же господа новые интеллигенты были раньше? А никем. Это люди, морально преобразившиеся на волне «снежных» протестов и передвижных «майданов». Просто моральное начало в них раньше дремало. Но случилась Болотная, случился проспект Сахарова – и оно проснулось. Вот почему они могут теперь носить гордое звание интеллигента. Не поверите, но списки «ударников» морального преображения тут же составили и опубликовали на сайте «Московских новостей» в разделе «Мы вас представляем». Кого там только нет: рестораторы, владельцы прачечных, общественники...

Новая интеллигенция, если принять во внимание обстоятельства ее рождения, культурный уровень и социальные амбиции, похожа не столько на интеллигенцию старую, сколько на пролетариат. Во-первых, ближайшая задача новых интеллигентов, как когда-то «гегемона» – политически просветить и увлечь обывателя, привести его на митинг. Во-вторых, их объединяет искусственность происхождения.

Когда-то «красная» власть наделала «гегемонов» из бывших крестьян, отлучив их от земли и согнав в города. Интеллигентам сегодня тем более неоткуда взяться. Ведь старая интеллигенция – «лишние люди», энтузиасты из «НИИ ЧАВО» – сегодня уничтожены как класс и массово не воспроизводятся. Вся надежда на виртуальные технологии. На создание медийного образа.

М. А. Булгаков не случайно облек советский социальный эксперимент по получению Шариковых в медицинскую метафору. Что-то в этом роде затеяли, судя по всему, с нью-интеллигенцией. Но поскольку на дворе не военный коммунизм, а денежный феодализм, то и гегемон у нас соответствующий. В основном это тот самый офисный планктон. Сейчас на дворе «модернизация» (нано, твиттер, большая труба). Нынешние соцтехнологии не озаботились даже такой малостью, как придумывание для новейшей офисной генерации моральных принципов. Они просто присвоили менеджерам, а заодно хипстерам и прочей соцфауне титул «интеллигентов». А чтобы не слишком бросалось в глаза несоответствие, добавили эпитет: «новые». И точка.

Кто-то когда-то назвал нацизм идеологией лавочников. Сегодняшний социал-дарвинизм – это идеология менеджеров, специалистов по подсчету чужих денег, чужих идей и чужих продуктов труда. А также тех – и они куда многочисленнее, – кто хотел бы походить на них. Менеджеров по духу, а не по букве. Тех, кто разделяет эту идеологию, во много раз больше, чем самого «офисного планктона». Недаром вся экономика услуг работает на этот стандарт: PR-агентства, дистрибьюторы, девелоперы, провайдеры, рестораторы, банкиры, мерчандайзеры, дизайнеры, юристы, эксперты и проч.

Большая часть прессы и телевидения, все заметные «контенты» обслуживают «манагеров». Еженедельники и «интеллектуальный глянец» – для менеджера. Просто глянец и женские журналы, фитнес, спа – для супруги менеджера. Подростковое чтение, гаджеты, шоубиз – для его детей. Плюс сериалы из жизни подобных особей, «стильные» кафе, магазины образа жизни. А также «умная беллетристика» в лице Б. Акунина, Л. Улицкой и проч. С вечным «интеллектуальным» сюсюканьем и ободряющим похлопыванием по плечу: молодец, читатель, не забыл основы школьной программы.

Вот такой набор. А ведь настоящий планктон – это менее 10 % населения страны. Но многие все равно едят, читают, смотрят все то же самое. Когда меньшинство талантливо прикидывается большинством, это и есть гегемония. «Новая интеллигенция» идет тем же самым путем – точнее, ее ведут.

Менеджер сказал – менеджер сделал. К «офисным» пришили гипофиз – моральные императивы старой интеллигенции, чтобы получить на выходе нечто облагороженное.

Для простоты им объяснили, что мораль и нравственность – это когда у нас на выборах мухлюют, а они выходят на площадь и требуют прекратить безобразие, мляя от своей гражданской сознательности. Это делает их лидерами общества, избранными людьми, уполномоченными давать всему моральные оценки.

Либеральный публицист Александр Архангельский откровенен: «Как ни удивительно, но впервые в русской истории зарабатывание денег и общественное служение перестали быть двумя вещами несовместными. Кем был раньше русский, да и советский интеллигент? Он не умел обращаться с деньгами, презирал тех, кто умел их зарабатывать. Старый интеллигент служил бескорыстно, то есть бесплатно. Сейчас все иначе. Новые интеллигенты очень часто оказываются в бизнесе» (Архангельский А. Для новой интеллигенции нет понятия «народ». Интервью в «Московских новостях»//www.mn.ru/society_civil/20120328/314418212.html). Это ключевая фраза. Капитаны бизнеса и сегодня присутствуют в списках нью-интеллигентов, вывешенных «Московскими новостями».

Разумеется, это элементарная подмена, перевертыш. Ведь можно было начать с другого конца и сказать: бизнес у нас нынче пошел интеллигентный и морально ответственный. Готов строить детдома, давать на храмы, на социалку. Но за такие заявления в лучшем случае сразу засмеют. Всем известно, что делают с нашей социалкой «юргенсы» и «кудрины» и для чего в России благотворительность. Кстати, еще в начале «нулевых» писательница Татьяна Толстая вполне серьезно объявила конкурс на прозу, где бы героем был «бизнесмен с человеческим лицом». То есть с социальной ответственностью. И сборник рассказов с такими «лицами», кажется, был опубликован. Почти одновременно с историями о добрых и справедливых милиционерах.

Создатели новой прослойки переворачивают проблему на 180 градусов, как шахматную доску. Какие такие олигархи? Нет, просто этот парень, ну этот, новый интеллигент, ответственный такой. Он вообще-то еще и бизнесом занимается. Да кто бы сомневался.

III

Без моральной риторики рождение нового гегемона не обошлось. От его провозвестников то и дело приходится слышать, что, мол, власть очень цинична и развращает общество. Но в обществе, где господствует самодержавие денег, цинизм пронизывает все сословия. Циничен бизнес – потому и намерен одеваться в шкуру интеллигенции. Цинична гуманитарная прослойка, выдумывающая нью-интеллигентов и выдувающая из своей дудочки красивые социальные фантомы. Общество, которое не чувствует себя нацией, обречено на цинизм. Рассуждения в духе академика Д. Лихачева об экологии души и т. п. сегодня могут вызвать только смех.

К счастью, у нас есть опыт 90-х. И обмануть нас снова будет не так просто. Сегодня никто не пойдет в библиотеку за «Новым миром» в поисках поводов для размышлений и руководства к действию. И не станет слушать вождей «новой интеллигенции». Сейчас эти вожди много говорят о политической ответственности. Мы помним, как они толкали власть к кровавой расправе в 93-м, навязывали стране номенклатурный передел собственности. Сегодня они научились ругать власть, будучи при власти. Определяя ее курс и устами министров требуя срочно уменьшить количество образованных людей в стране. Как точно заметил кто-то из левых лидеров, совершенно очевидно, что те, кто выступал в качестве лидеров протеста, были по отношению к протесту такими же точно узурпаторами, как, с их точки зрения, власть была по отношению к обществу в целом. И даже, может быть, в большей степени, потому что поддержка власти в обществе все равно была выше, чем поддержка оппозиционных лидеров среди их же собственных сторонников. Именно так это и называется. Обыкновенный цинизм.

Но это все по части морали. А как обстоит дело с идеологией?

Это вопрос куда более конкретный, а главное – насущный. Ведь чтобы «рассерженный горожанин» легко вжился в предложенную роль, его надо просветить и политически образовать. Объяснить, что полезно и что вредно для общества, о котором ему, согласно его новому статусу, надлежит думать и заботиться.

Как известно, официальной идеологией, вложенной в том числе в уста «новых интеллигентов», у нас является «теория модернизации». Мы более или менее знаем, что это такое. Это нанополитика в дополнение к ржавой нефтяной трубе. Это амнистия капиталов. Это деградация науки, армии и индустрии. Это реформация православия плюс секвестр всего на свете – бесплатного образования и медицины, пенсионного возраста, родительских прав. Ну и регулярное хождение на митинги.

Если опыт доведут до конца, все эти «ценности» новому гегемону придется принять, а затем заставить принимать и нас. Поэтому следует сказать несколько слов об их происхождении.

После развала СССР и упразднения истмата в статусе интеллектуально модных побывало множество общественных теорий. Теория тоталитаризма, конфликта цивилизаций, конца истории и проч. Не последнее место среди них занимает «теория

модернизации». Суть ее, если говорить коротко, в следующем: развитые страны указывают менее развитым их путь. Менее развитые усваивают их идеологию и проходят их стадии развития – в общем, «модернизируются».

Возникла эта теория в 50–60-е гг. XX в. и использовалась для контроля за бывшими колониями. Эти самые колонии, страны третьего мира, получили политическую свободу, но их нужно было вторично привязать к себе. Уже экономически. В период разрядки «теория модернизации» окончательно была признана несерьезной и пропагандистской. Работы независимых исследователей показали, что метрополии вовсе не нуждаются в новых конкурентах и потому, используя свое влияние и финансовые инструменты, напротив, консервируют и тормозят развитие стран-аутсайдеров. Но после краха СССР «теорию модернизации» вновь вытащили из чулана, чтобы применить к новичкам из бывшего Восточного блока. Вот и вся разгадка. Вот с чем мы имели дело раньше и имеем сейчас. Вот с чем нам предстоит иметь дело в будущем.

Именно «новой интеллигенции» поручено закатать эту капсулу в «толстый-толстый слой шоколада», состоящий из гуманитарных ценностей. И эти люди будут служить нам моральным камертоном и являть чудеса гражданственности. А нам остается лишь наблюдать, удастся ли «новой интеллигенции» заставить власть вновь принять ее на службу и бюджетный кошт.

По большому счету со времен Петра Чаадаева интеллигенция занималась перетолковыванием европейской культуры, называя это «западничеством». Либо развивала идеологию правящего режима, называя это патриотизмом. А если режим был либеральным, то обе функции совпадали, являя собой наиболее полную картину общественной деятельности интеллигенции – отсюда пошло расхожее выражение «либеральная жандармерия».

Собственно говоря, государство в России, взятое в пределе, в своей высшей точке, – это и есть «либерализм» для верхов и диктатура для низов. Соединить обе сущности в одну и объяснить, что это и есть «модернизация», – вот главная задача, которую власть может поставить сегодня перед интеллигенцией, если в очередной раз призовет ее на службу. Этого-то и добиваются писатели, которые гуляют по бульварам и величают себя новой интеллигенцией.

IV

Именно сейчас, когда интеллигенция уходит в прошлое, многое в ее судьбе стало понятнее. Само понятие «российская интеллигенция» обнаружило свою местечковость и тавтологичность. Интеллигенция потому, кстати, и потерпела историческое поражение, что была явлением глубоко почвенным и провинциальным – вопреки своим зачастую ультразападническим взглядам.

В Европе, как известно, термин «интеллигенция» указывает просто на образованных людей, интеллектуалов и ничего более не означает. В России же он долго обозначал замкнутое в себе сословие с амбициями учителей нации и подателей благ мировой культуры. Между прочим, последнее обстоятельство решительно опровергает тезис самих интеллигентских вождей об интеллигенции как творческом сословии. Все ровно наоборот. Европейские интеллектуалы именно что создавали пресловутые «духовные ценности», каждый на свой национальный лад. Российская же интеллигенция жила тем, что пыталась продавать на внутреннем рынке ценности, созданные этими интеллектуалами, но при этом не умела их как следует усвоить. То есть никакой интеллектуальной самостоятельностью она не обладала и приобретать ее не собиралась. Она попросту гнала контрафакт. Творческая вторичность – вот ее главная черта.

Таким образом, интеллигенция и весь ее *modus vivendi* – явление сугубо местное, российское и глубоко почвенное. Никаких европейских аналогов оно не имеет. Поэтому чем большими «западниками» считались те или иные интеллигентские группы (покажите мне хоть одного «западника» в Европе), тем большими почвенниками они были *de facto*, не в обиду официальным почвенникам будь сказано.

Неудивительно, что эпоха постмодерна съела бывших «учителей нации» – во всем вторичных и не имевших навыков духовного самостояния. А что в этом удивительного: ведь постмодерн и есть диктатура вторичности, симуляции. Имели ли представители интеллигентского слоя волю и духовный ресурс для сопротивления? Ответ очевиден. Напротив, насколько это было возможно, они симулировали свою былую идентичность и, так сказать, обозначали присутствие. Но, в конце концов, даже такая стилизация сделалась невозможной: слишком изменился социокультурный контекст.

Так в нашей стране вслед за крестьянством и пролетариатом умерла интеллигенция. Причем ген смерти был заложен в ее организме с самого начала. Новая политическая реальность всего лишь активировала его.

Но свято место пусто не бывает. Где нет претензий на национальное водительство, пусть и несостоятельных, там начинается прямая манипуляция сознанием масс. Именно эти функции выполняет «креативный класс», который пришел на место уничтоженной интеллигенции. Что это такое? Новая примитивная общность, паразитирующая социальная прослойка. Только она продает и навязывает массам не идеологию и мировоззрение, как это делали менторствующие интеллигенты, а готовые стандарты потребления и модели поведения, неизбежные в условиях победившего рыночного фундаментализма. Все это навязывается в чистом виде, без интеллигентского гарнира в виде «духовности». В антиглобалистских кругах это блюдо поэтично называют «религией матрицы».

Любопытно, что новую реальность быстрее заметили и проанализировали публицисты левой ориентации, а не консерваторы и последователи «Вех». Например, историк и социолог Борис Кагарлицкий в своей статье «Загадка креативного класса» справедливо замечает: «По отношению к обществу они (представители "креативного класса") представляют собой явление того же порядка, что и финансовые и биржевые пузыри по отношению к экономике. Главное "производство" креативного класса – это его собственный образ жизни, его вкусы, пристрастия и развлечения».

Креативному классу все должны, в том числе и буржуазия. Все слои и группы общества должны преклониться перед его креативностью, а буржуазия должна еще и заплатить. Причем она, в самом деле, платит. И очень щедро».

Все правильно. В то же время Б. Кагарлицкий уверен в том, что «это не старая творческая интеллигенция, не интеллектуалы-специалисты, не лица свободных профессий, не эксперты-профессионалы, не ученые-исследователи. С ними креативный класс находится даже в некотором противостоянии, точнее – с основной массой старой интеллигенции».

Но действительно ли нет глубинной связи между бывшими интеллигентами и нынешними «креативными»? И да, и нет.

«Креативные» – преемники интеллигентов в том, что касается эпитонства и потребительской психологии. Но если интеллигенция осуществляла эту функцию в рамках культурной парадигмы, то «креативные» реализуют ее в товарных фетишах и символах гламурного образа жизни. Но как бы там ни было, произошло то, что произошло. Социальное тело интеллигенции стало экспонатом исторической кунсткамеры. Ломание копий вокруг этого факта выглядит весьма трагикомично. Пора похоронить усопшего со всеми полагающимися почестями.

Но прежде чем дело дойдет до похоронного ритуала, следует констатировать смерть как медицинский факт. Здесь важны формальности. Это не каприз и не поза. Смерть необходимо удостоверить официально – эту цель и преследует настоящая статья. Без этой формальности социальное тело покойного еще живет, в то время как тело биологическое уже затвердело. Мало того, иногда социальную жизнь искусственно продлевают. Например, кто-нибудь не в меру находчивый, переклеив фотографию в паспорте, может воспользоваться документами умершего. Иногда с их помощью удается продать оставшуюся от покойного жилплощадь.

Что такое «квартира» старой интеллигенции? Это ее общественная ниша и вечные претензии на роль нового дворянства. Все это по логике вещей должно аннигилироваться в потоке истории. Но не всех такая ситуация устраивает. Иные готовы, используя подлог, продлить покойному его бумажную жизнь.

Например, болотные вожди. Выводя на улицу «рассерженных горожан», они специально нарекли их «новой интеллигенцией». То есть людьми с умом, честью и совестью. Ум, по мысли оппозиционных лидеров, заключался в том, что оные горожане жили «креативом», например, исполняли обязанности офис-менеджеров и копирайтеров, вкладывая в эти занятия данные им Богом таланты. Ну, а совесть и честь – это еще проще. За совестью и честью надо было приехать в центр Москвы с белой ленточкой на лацкане. Там люди, подобные доброму Гудвину из Изумрудного города, раздавали эти моральные достоинства щедрой рукой. В расчете на будущую поддержку. Но авансы не оправдались. Тренд «новой интеллигенции» не задался: представители мидл-класса плохо усваивали тонкие градации интеллигентской этики. Да и сами протесты сдулись, как только левое большинство поняло, что либеральные вожди добиваются не смены системы, а всего лишь смены караула.

На самом деле интеллигенция не может воскреснуть. Новая интеллигенция невозможна. Да и не нужна. Нужен новый слой. Слой органических интеллектуалов, уважающих национальные ценности, традицию, принципы социальной справедливости и нравственные нормы, включая православную этику. Только такая общность может составить конкуренцию «креативному» классу, который живет на информационную ренту и формирует ложное сознание российского большинства.

Поступила в редакцию: 09.08.13.